

“Не верю в грязные кеды”

В конкурсе открывающегося сегодня 63-го Венецианского кинофестиваля Россию будет представлять фильм Ивана Вырыпаева “Эйфория” — история любовной страсти на фоне эпических степных пейзажей. Как и “Возвращение” Андрея Звягинцева, три года назад получившее в Венеции два “Золотых льва”, это дебют.

До “Эйфории” актер и драматург из Иркутска Иван Вырыпаев заработал известность в театре, поставив по собственным текстам спектакли “Кислород” и “Бытие № 2”, которые вывели его в ряд лидеров российской новой драмы. Дебютный фильм Вырыпаева уже отмечен специальным дипломом жюри сочинского “Кинотавра”. Перед международной премьерой “Эйфории” Иван Вырыпаев ответил на вопросы “Ведомостей”.

— Одни считают вас человеком наивным и не знакомым с современным киноконтекстом, другие утверждают, что вы сознательно подражаете западному авторскому кино...

— Мнения на самом деле два: одни говорят, что мой фильм — шедевр, обогнавший свое время, а другие — вот то, что вы сказали. У меня есть третье мнение, и пусть оно останется при мне. Меня нельзя назвать человеком непрогрессивным в кино, потому что наше кино отстает от театра лет на восемь. Успехи нашего коммерческого кино — это прекрасно, мы все им очень рады, но прогрессивных фильмов — их очень мало! То, что сегодня происходит в кино, напоминает 1999 г., возникновение новой драмы в театре. У меня случилось дежавю на премьере фильма Кирилла Серебренникова “Изображая жертву”. Я тогда подумал: “Кирилл один раз уже так делал, когда делал “Пластелин”. Спасибо большое Кириллу за этот фильм, но я по реакции зала понял: люди это еще только увидят, а я уже видел.

Кино просто отстало от театра. У нас есть Илья Хржановский — это вот раз. Ну Боря Хлебников есть, Звягинцев, Светлана Проскурина. Но этого мало. О каком прогрессивном кинематографе тут говорить? Нет, состояние нашей культуры... Я не ною, я еще не старик. Я просто этим занимаюсь в театре и всегда считаю себя на каких-то передовых позициях. Мы все-таки делаем спектакли и возим их в Европу, и я вижу лучшие спектакли. Я читаю современную литературу, я — современный человек, мне никто не расскажет о какой-то прогрессивности, когда ее нет.

Я хочу быть правильно понятым. Я знаю, что прогрессивное кино есть, но его нет в прокате. Его нет как общего явления. Мы не видим этих фильмов, а спектакли новой драмы еще и кассу приносят. На них билетов не достать.

— Так вы все-таки старались подражать кому-то из любимых режиссеров?

— В моем фильме нет ни одного повторения. Там есть просто художественный образ, который развивается. Мне один человек сказал: “Знаешь, герой у тебя в лодке плавает, как у Джармуша в “Мертвецце”. Я и отвечать на это не стану, потому что это полная глупость! Тогда Джармушу нужно сказать, что у него в лодке плывут, как еще в каком-то там фильме... Есть 150 фильмов таких. Тот способ восприятия, на который я ориентируюсь в “Эйфории”, — он очень трудный. То есть, он очень простой, но и очень трудный, у зрителя должен произойти один щелчок в голове. Я как бы экраном разговариваю с залом. Я так и спектакли делаю. Я не верю в натурализм и в псевдореализм — “у нее должны быть грязные кеды...”. Я не верю в грязные кеды. Я верю в безусловность темы, в безусловность высказывания. Искусство безусловно, в нем само слово “смерть” сильнее, чем изображение смерти. “Эйфория” — это попытка сделать трагедию. По жанру это миф, и там есть свои мифические законы.

Если и говорить о подражании и похожести, то надо сказать о “2046” Вонга Кар-Вая. Подражание приемам — это вообще не разговор. Если у меня здесь дерево, то я никогда не откажусь от дерева из-за того, что оно есть в другом фильме. А “2046” для меня многое подтвердил в том, что я хотел бы делать.

— Вы ориентируетесь на Вонга Кар-Вая, но для западного зрителя ваш фильм, скорее всего, станет “типичным отражением современной России”. Вы к этому готовы?

— Мы, во-первых, не знаем, как “Эйфорию” будут воспринимать. Вы знаете, я даже куплю билет и полечу

куда-нибудь просто ради интереса. Я не хочу больше свой фильм смотреть, но вот один раз в простой кинотеатр я прилечу. Просто зайду с билетом и посижу. Это будет большой урок. А Венеция — это все-таки не простой зритель. Там сидят специалисты. Некоторые “Эйфорию” смотрели, я уже какие-то мнения знаю. Фильм, хотя и про русских людей, но он не построен на особенностях национальной охоты или рыбалки. В древнегреческом мифе тоже есть что-то чисто национальное — слова “оливки” и “Эгейское море”, но мы ведь как-то понимаем этот миф! А в “Эйфории” есть элемент печальной русской действительности. Мне тут сказали: “У них ведь даже нет мобильного телефона”. Ну что ж, Россия у нас бедная. Мы же не можем ее приукрасить.

— Как и когда у вас родилась идея “Эйфории”?

— На Дон меня привезла Полина Агуреева (исполнительница главной женской роли в “Эйфории”, актриса Мастерской Петра Фоменко. — “Ведомости”) за год до съемок фильма. В этом фильме, кстати, я с ней в соавторстве, она принимала в нем активное участие. А тогда мы просто поехали посмотреть Дон, жили в палатках. И там у меня в одну секунду родилась идея этого фильма. Я, конечно, понял сразу “Тихий Дон”. Фильм не имеет к роману отношения, просто сама энергия похожа. Я сразу понял, что в такой энергии, в таком безумии живут люди очень страстные. Они страстные и необузданные, но у них нет самосознания. И вот об этом фильм.

— Вы в кино непрофессионал, да и среди ваших героев есть несколько непрофессиональных актеров. Вам это мешало или помогало? И насколько органично совершился для вас переход из театра в кино?

— Я не профессиональный кинорежиссер, и это наверняка видно. Но я — за профессию. А перехода из театра в кино у меня никакого не было. Я делал этот фильм так же, как свой спектакль. Я не вижу никакой разницы между театром и кино, кроме технологической. Отличие в одном: кино — это изображение, фотография, а театр — это текст и энергия произнесения текста. К сожалению, у нас сейчас все смешалось. У нас на сценах в основном идут фильмы, а в кино — спектакли. На игру актеров я посмотрю в театре, в театре актер интереснее — и зачем мне видеть, как он играет в кино? В кино я хочу увидеть живопись. Так было с фильмом “2046”. Я следил за сюжетом, потом мне стало скучно: там вообще ничего невозможно было проследить. А потом я подумал, что надо просто смотреть. Я поэтому и покупаю билет в кинотеатр: я хочу увидеть изображение, а бытовая история мне неинтересна.

— Значит ли это, что на коммерческое, развлекательное кино вы не ходите?

— Нет, хожу. Когда я говорю о кино как о чуде, то, например, фильм “Кинг-Конг” мне очень подходит. Я просто в восторге от фильма Питера Джексона “Кинг-Конг”! Он очень серьезный, авторский. Это, конечно, арт-хаус. Первый в истории кинематографа арт-хаус за такие сумасшедшие деньги. Человек рассказывает о любви мужика-гориллы и хрупкой женщины — это же чудо! Мне понравился “Властелин колец — 3”. Правда, впечатление от произведения, которым ты в молодости болел, оно очень сильное. Не про эти кольца же оно... Самое плохое кино — это простые боевики и наши бытовые драмы. Это вообще мне непонятно, когда он ее любит и ездит к ней на троллейбусе... Или когда ходят и разбираются, кто кому оружие продал, — ну, это вообще ерунда.

— От чего вы испытываете эйфорию — от просмотра или от съемок фильма?

— Кино — это мука. Я без удовольствия работаю. Про эйфорию я прочитал в справочнике по психиатрии, случайно: это необъяснимое чувство восторженности. Необъяснимое, поэтому это — болезнь, отклонение от нормы. У меня эйфории нет. Бывает хорошее настроение, но оно всегда с чем-то связано.

— Как же вы работаете без удовольствия?

— Я нахожусь на службе. Я все-таки не считаю художников выдающимися людьми. Художник — это очень скромный человек. Он обслуживает тему, данную ему пространством. Человек не может прожить без нефти и угля, и без искусства не может прожить. Просто это мало кто понимает. Культура — это то, что эмоциональным способом формирует мысль, а я эту философскую мысль упаковываю. Я заставляю человека, который придумывает открытия про ядерную энергию, вдохновляться этой философской мыслью. Мне, конечно, в театре и кино комфортнее, чем если бы я грузил уголь, и я, кроме искусства, ничего не умею делать. И я как-то работаю, собравшись.

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:

irkbabr24@gmail.com

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krasyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: [@babrobot_bot](#)

эл.почта: equatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)